

Дерево сбывшихся желаний

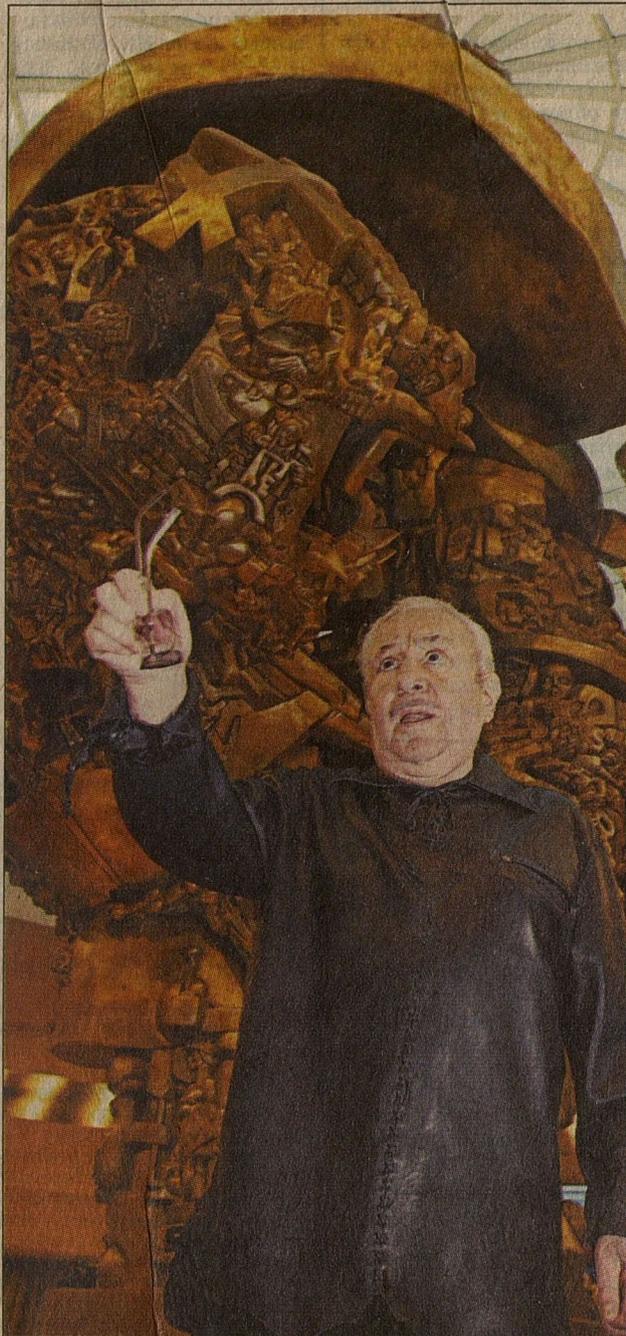
Русский курьер. - 2004. - 18 октября. - с. 8

Елена ШИРОЯН

Это дерево вряд ли зазеленеет. Разве что патиной покроется, и то маловероятно — капли дождя не упадут на его ветви. Тонны бронзы заокеанского качества стоят под крышей хайтековского моста «Багратион»: здесь нашло место под солнцем (искусственным) «Дерево жизни» Эрнста Неизвестного. Наконец, он осуществил мечту поставить в Москве монумент, над которым работал почти всю жизнь. Правда, воплощать желания опасно: сбывшиеся мечты рискуют обернуться ухмылкой судьбы. Или истории, что в данном случае вернее.

Громыхающий Кутузовский проспект, скачущий наперерез автомобилям монструозный герой на коне (памятник генералу Багратиону) у входа в стеклобетонную башню, сияющую синим огнем во мраке, что венчает торгово-пешеходное сооружение, перекинутое через реку к Красной Пресне... Только пройдя до конца моста, где вот-вот вырастут небоскребы Москва-Сити, вы обнаружите семиметровое бронзовое растение странной формы, сплошь облепленное наростами мал мала меньше: фигуры людей, символы мировых религий, лица и маски... Это и есть «Дерево жизни», знаменитое не только тем, что его собрат стоит в Нью-Йорке, но и тем, что в Москве ему долго не могли найти места.

Кстати, в нашем богоспасаемом городе уже есть западный памятник-близнец — кусок Берлинской стены, которую пробивают летящие бабочки, водружен А. Григорьевым и Д. Митлянским у Сахаровского центра. На дожде железные мотыльки покрылись ржавчиной, скоро та же участь постигнет памятник интеллигенции рядом — «Пронзенный Пегас». Но вот чтобы монумент жил под крышей, припомнить трудно. Разве что «Давид» Микеланджело, перенесенный с площади Синьории в музей после веков пребывания посреди Флоренции, когда мрамор самой легендарной статуи всех времен (не считая Колосса Родосского) начал разрушаться. Да еще сотни надгробий, изначально



ИТАР-ТАСС

но установленных внутри соборов...

Разглядывая Дерево, поневоле вспомнишь и Микеланджело с его Сикстинской капеллой, и роденовские «Врата Ада». Наш отечественный Роден, с 1976 года живущий в добровольном изгнании, не поскупился на сотни персонажей: вылепил всех, кто жил в XX веке, — шахтеров и вождей, сталеваров, солдат в противогазе и космонавтов, матерей и младенцев. Тут же найдешь и распятого Христа, и Положение во гроб, и Рождество; и кентавра, и конскую голову, и клыкостое существо не вполне ясной

этиологии... Все это, разумеется, несет глубокий символический смысл, как и семь витков ленты Мёбиуса, сплетающие крону Дерева. В абрисе ее издалека читается голова, запрокинутая в крике. Мускулистые руки, протянутые к нам или поддерживающие верхние ярусы композиции, как безглавые атланты, черепа, кресты и херувимы, закрытые глаза и отверстые рты призваны выражать гуманистический пафос, но отчего-то сильно напоминают скульптуру Третьего рейха. По всему Древу висят, а точнее, ползут странные плоды — рыбы, пантеры,

скорпионы, но венчает сложнейшую и запутанную конструкцию голубка: привет от Матисса, а равно Пикассо с его «Герникой».

Поначалу памятник борьбе добра и зла, как объясняет свой замысел автор, он мечтал установить напротив Манежа; однако место занял Зураб Церетели с «жизнеутверждающим» вариантом устройства обширного пространства между кремлевской стеной и университетом. Затем мэрия выдала нагора идею украсить монументом Неизвестного площадку перед своим офисом на Новом Арбате — бывшим СЭВом. План сорвал Экспертно-консультативный общественный совет при главном архитекторе города Москвы: искусствоведы упорно не желали соглашаться, чтобы Дерево, издалека похожее на ядерный «гриб», возвышалось в перспективе центральной магистрали.

Однако не таков Юрий Лужков, чтоб отправлять великие творения в спальные районы. Прецедент был создан, когда он отверг уговоры экспертов поставить хоровод шемьякинских «Детей — жертв пороков взрослых», зловычно прозванных «памятником порокам», где-нибудь на периферии, подальше от исторических мест. Тогда выбор точки для шедевра на городской карте он оставил за маэстро-дарителем, и пороки, окруженные надежным забором, несут свою нелегкую вахту за спиной у бронзового Репина, напротив Третьяковки, а чтоб их никто не обидел, по недомыслию не разобравшись в величии замысла, к ним приставлена охрана. Скульптуру Неизвестного тоже везли спецрейсом из Нью-Йорка, и задвинуть дар бесценный куда подальше уж совсем оскорбительно. Не переспорив упрямых ЭКОСовцев, мэрия пошла на компромисс: поставим памятник на мосту. Да еще таком, что ведет прямо в светлое капиталистическое будущее. Ну как тут не вспомнить Манилова с его мечтой построить мост, чтобы вилен был с него Петербург!

Что поделаешь, не везет Москве на памятники. По числу их — как в Лондоне, да по умению — не Рим и даже не Осло. Не исключено, что именно в Осло (столице отнюдь не знаковой, но поражающей обилием скульпту-

ры, искусно сделанной и со вкусом установленной), у фанатичного Густава Вигеланда и подсмотрел Эрнст Неизвестный идею соорудить нагромождение фигур, нависающих одна над другой в бесконечном восхождении. Результат, увы, далеко не столь захватывающий, как у неизвестного нам норвежца, в одиночку создавшего грандиозный парк скульптуры. Потому на мой вопрос о впечатлении от Дерева А. Комеч — директор российского Института искусствознания и зампреда ЭКОСа — ответил: «Не хочу говорить!» Добрейший Алексей Ильич напомнил, что Эрнст Иосифович вынашивал свою идею всю жизнь, воплощал в разных размерах, а что из этого вышло — все уже сказано экспертами. Нет, недаром коллеги старшего поколения всякий раз говорят о сложной судьбе и достойной жизни скульптора, который при близком знакомстве с его творчеством кажется фигурой преувеличенной.

Более всего прославленный как один из героев скандально-легендарной выставки 1962 года в Манеже, Неизвестный вошел в историю после того, как вступил в дискуссию с Никитой Хрущевым, а спустя 10 лет, по просьбе семьи опального лидера, создал надгробие на Новодевичьем кладбище. В последние годы классик андеграунда — лауреат «Посударьни» — поставил в России не один памятник: в Магадане мемориал жертвам политических репрессий, в Кемерове — «Память шахтерам Кузбасса», на Крымской набережной столицы — «Мемориальную стену», похожую на постмодернистскую инсталляцию. А во дворе некоей фирмы на Большой Ордынке красуется композиция «Возрождение». Похоже, пластическое дарование у Неизвестного все заметнее вступает в противоречие с его ипостасью философа: монументы, призванные покорять пространством целостным и лаконичным объемом, превращаются в многоречивые эссе. В довершение всего бывший диссидент обласкан московским мэром, проникшимся верой в «победу светлых сил», заложенной автором в Дерево. Вот и стоит оно не на семи ветрах, а в теплом и уютном уголке, вполне буржуазно, — горькая ирония судьбы.

Неизвестный Эрнст
Кемечев Алексей Ильич

18.10.04